

Мэрилин Монро

СТРАСТЬ, РАССКАЗАННАЯ ЕЮ САМОЙ

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records in a laboratory setting. It emphasizes the need for clear labeling and organization of samples and equipment. The second part details the safety protocols that must be followed at all times, including the use of personal protective equipment and proper handling of hazardous materials. The third section covers the procedures for conducting experiments, from the initial setup to the final analysis and reporting of results. The fourth part addresses the maintenance and calibration of laboratory instruments to ensure the accuracy and reliability of the data collected. Finally, the document concludes with a summary of the key points and a list of references for further reading.

Мэрилин Монро

СТРАСТЬ, РАССКАЗАННАЯ ЕЮ САМОЙ

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2013

УДК 82-94
ББК 85
М 97

Оформление серии Е. Гузьяковой

М 97 **Мэрилин Монро. Страсть, рассказанная ею самой** / М. : Яуза-пресс, 2013. — 256 с. — (Женщина-Эпоха. Уникальная автобиография).

ISBN 978-5-9955-0534-1

Эта сенсационная книга станет открытием для всех поклонников Мэрилин Монро. Это не мемуары, не дневники — это предельно откровенная исповедь самой желанной женщины XX века. В самый темный период ее жизни, сразу после расставания с президентом Кеннеди, когда Мэрилин переживала глубочайший кризис, ей было жизненно необходимо выговориться, выплакаться, излить душу... Эти признания не просто опровергают расхожие мифы, а полностью переворачивают все прежние представления о «главной Блондинке Голливуда».

Ее считали капризной пустышкой, глупой куклой, которой не хватило мозгов даже на то, чтобы закончить школу, — но с этих страниц с вами «говорит» поразительно умная, на редкость начитанная, по-настоящему талантливая женщина. Ей предлагали роли распутных красоток, мечтающих выйти замуж за миллионера, — а она тайком репетировала шекспировскую Офелию и Грушеньку из «Братьев Карамазовых». Ей поклонялись как иконе, ее величали главным секс-символом эпохи — а она возненавидела свой кинообраз и свое роскошное тело...

Откройте эту книгу, вслушайтесь в живой голос Мэрилин, посмотрите в ее фотографии и рисунки — загляните в сердце самой красивой, желанной и несчастной женщины XX века.

УДК 82-94
ББК 85

ISBN 978-5-9955-0534-1

© Павлицева Н., 2013
© ООО «Яуза-пресс», 2013

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Несколько лет назад в Аргентине умер 97-летний Генри К. Уолтер, в 50–60-е годы живший в США и занимавшийся психотерапевтической практикой.

Наследники не сразу разобрали архив Уолтера, а обнаружив среди бумаг коробку, в которой вместе с бобинами магнитофонных пленок лежали рисунки и какие-то записи самого Генри, едва не выбросили, посчитав неинтересной. Только желание одного из правнуков проверить, работает ли старый громоздкий магнитофон, спасло бесценный материал от уничтожения.

На пленке тонкий женский голосок, несколько сбивчиво, взволнованно и не всегда внятно рассказывал о себе... Прозвучавшие знакомые имена «Фрэнк Синатра», «братья Кеннеди», «Артур Миллер»... заставили прислушаться, а потом и прочесть вырванные из дневника Уолтера листы, которые объяснили многое.

С трудом поверив, что это голос Мэрилин Монро, повествующей о своей жизни, сомнениях, душевных терзаниях, несоответствии ее внутреннего состояния любимому всеми образу сексапильной Блондинки, на-

следники решились отдать пленки на восстановление.

Немало времени прошло, пока записи были расшифрованы (не все удалось восстановить) и обработаны, еще больше — прежде чем дано согласие на их публикацию.

Одна из пленок стерта либо испорчена намеренно, именно на ней говорилось о братьях Кеннеди и Фрэнке Синатре. Неизвестно, кто предпочел удалить информацию — сам Генри Уолтер или его наследники, не желая привлекать излишнее внимание к записям, но того, что осталось, достаточно, чтобы понять: Мэрилин Монро вовсе не была пустой блондинкой, какой ее долго представляли Голливуд и средства массовой информации. Примечательны собственные слова Мэрилин: «Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают».

Вот каким текстом магнитофонные записи сопровождал в дневнике сам Генри Уолтер: «Я увидел ее на берегу, на самом краю пирса, явно готовую шагнуть вниз в беспокойное

море. Женская фигурка сиротливо стояла, кутаясь в просторный черный плащ...
Один громкий оклик, и она сделает этот шаг. Первое, что пришло в голову, — взяться за трубку. Нелепое занятие — пытаться прикурить на холодном осеннем ветру, но ничего другого у меня просто не было, зато удалось поинтересоваться достаточно спокойно:
— Что-то случилось?
— Я потерялась...
Голос растерянного ребенка, хотя передо мной красивая взрослая женщина. В ней было что-то неуловимо знакомое...
— В городе?
Трубка, конечно, не раскуривалась.
— В жизни.
— Это серьезно... Вы не хотите уйти с ветра, здесь невозможно курить.
Она послушно поплелась следом в ближайший бар. Мы сидели и молча пили пиво. Иногда лучше помолчать. Когда женщина вдруг начала говорить, тихо и сбивчиво объясняя, что она не такая, какой ее воспринимают, что вторая, выдуманная, совсем вытеснила настоящую, я уже понял, кто передо мной. Черный парик, просторный плащ, отсутствие макияжа... но это была Мэрилин Монро!
А судя по тому, что она взволнованно бормотала, женщине нужно всерьез выговориться. Но ни отправиться к ней, ни пригласить к себе, ни выслушивать ее рассказ в баре я не мог. Еще немного, и остальные тоже поняли бы, кто это. Решение пришло неожиданно, я вырвал листок из записной книжки и протянул со словами:
— Вот здесь нарисуете себя настоящую...
— Я не рисую.
— Вы просто не пробовали. Мне все равно, что это будет, хоть один нос или лошадиная задница, все, что придет в голову. Попробуйте вспомнить время, когда вы были сами собой.

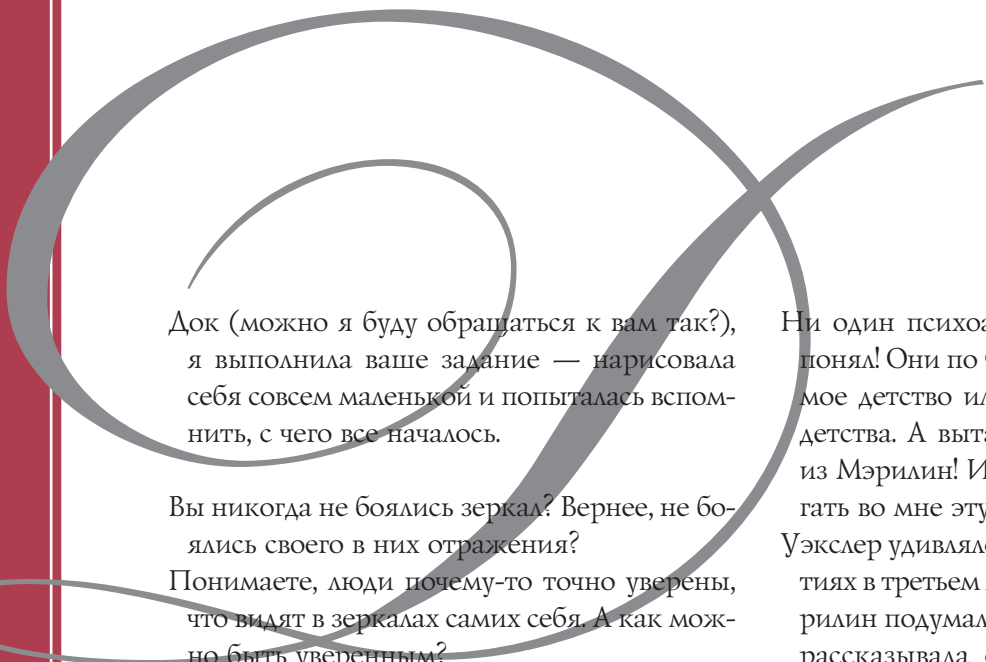
Свое детство, например, тогда уж точно никто не пялился на вас масляными взглядами.
Она послушно протянула руку:
— А потом принести вам для анализа моего состояния?
— Много общались с психотерапевтами? Я не буду анализировать. Вы нарисуете это дома, спокойно сидя в одиночестве. Просто расслабьтесь и возьмите в руки карандаш. А еще лучше добавок включите магнитофон и все расскажите.
— О себе?
— О том, что вспомнилось из-за рисунка. Встретимся, когда будете готовы. И не рассказывайте на каждом углу о нашей встрече и о своей потере тоже. Вот мой телефон. Я Генри. До свидания, Мэрилин.
— Вы меня узнали?!
— Вы действительно слишком много набрались от своей роли. Не замечаете, когда начинаете играть, тогда не узнать вас просто невозможно. Даже под черным париком.

Мы встречались не раз, она приносила рисунки, бобины с пленкой и ничего не спрашивала обо мне, видно, так легче. Я не слушал эти записи, понимая, что если услышу, что-то неуловимо изменится, она будет зависеть от меня, от моей оценки. Кажется, она это понимала и потому доверяла все больше.
А потом пришла пора мне уезжать, а у нее все еще продолжался разлад с самой собой. Однако у Мэрилин был психотерапевт, помощники и наставники, и она совершенно не слушала мои советы. Мэрилин умоляла не уезжать, не бросать ее.
Но я уехал, не мог не уехать, это зависело не от меня, а когда узнал о гибели звезды, понял, что должен был остаться и даже ценой собственной жизни спасти ЕЕ.
Это мой извечный грех — ЕЕ гибель».

Я женщина, и меня это определенно радует

ВЕРНИТЕ НОРМУ ДЖИН!

Док (можно я буду обращаться к вам так?), я выполнила ваше задание — нарисовала себя совсем маленькой и попыталась вспомнить, с чего все началось.

Вы никогда не боялись зеркал? Вернее, не боялись своего в них отражения?

Понимаете, люди почему-то точно уверены, что видят в зеркалах самих себя. А как можно быть уверенным?

Я всегда любила зеркала.

А теперь ненавижу.

Все из-за того вечера...

Испытанное потрясение огромно, становится жутко при одной мысли об увиденном — в зеркале... не было моего отражения! Там, привычно улыбаясь, стояла мечта миллионов мужчин всего мира Мэрилин Монро, ослепительно красивая, с идеальным телом, глазами с поволокой и приоткрытыми, словно для поцелуя, губами... Но там не было Нормы Джин Бейкер! Совсем не было. Моя роль окончательно заслонила меня. Это так страшно...

Осколки зеркала разлетелись вместе с осколками брошенного в него стакана.

Ни один психоаналитик так ни черта и не понял! Они по Фрейду вытаскивали из меня мое детство или, наоборот, меня из моего детства. А вытаскивать надо Норму Джин из Мэрилин! Или каленым железом выжигать во мне эту чертову красотку!

Уэкслер удивлялся, что я рассказываю о событиях в третьем лице: «Мэрилин сказала... Мэрилин подумала...» А как иначе? Я и впрямь рассказывала о Мэрилин, а не о Норме Джин. Мой спаситель Ральф Гринсон даже не знал, что меня зовут именно так.

Смешно, психоаналитик не знал ГЛАВНОГО. Норма Джин и Мэрилин не одно и то же, но всем нужна эта БЛОНДИНКА, и я никак не могу ее победить. Пусть бы существовала на экране или на публике, однако она захватила всю мою жизнь! Благодаря ей я очень многое приобрела, но еще больше потеряла.

Однажды я целый вечер провела в обнимку с телефоном, но, тсс... об этом никому нельзя рассказывать — упекут в психушку.

Набирала номера наугад, если отвечал мужской голос, представлялась репортером

дамского журнала и спрашивала, с кем они хотели бы переспать, если могли выбирать любую женщину в мире, включая английскую королеву. На листе двадцать одна галочка — столько удалось опросить. Звонков было больше, но нашлись те, кто просто послал к черту. Два человека сказали, что ни с кем, один назвал свою жену (подозреваю, та просто стояла рядом и слушала), остальные ответили: «Мэрилин Монро».

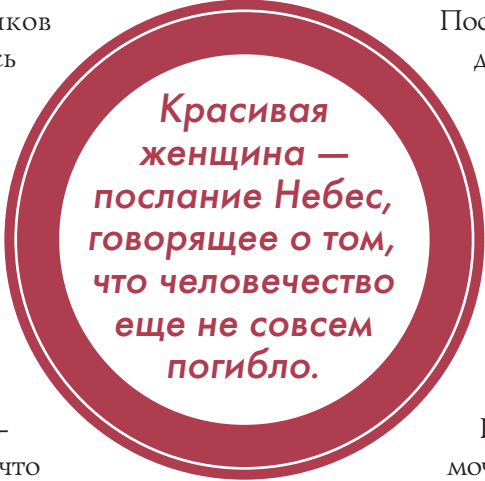
Десять лет назад я визжала бы от счастья, потому что все мужчины мира хотят меня!

Сейчас знаю, что не меня, а ту самую роскошную блондинку с приоткрытым ртом и глазами с поволокой, которая поселилась во мне.

Что мне делать, как ее вывести или хотя бы ограничить рамками съемочной площадки? Я не могу никому рассказать об этом раздвоении, даже Гринсону, очень надеюсь, что он поймет сам. Временами, кажется, понимает, даже пытается помочь, но почти сразу выясняется, что понял не так.

Глупости, глупости, глупости!

Но где-то же осталась Норма Джин Бейкер, та, которую превратили в Мэрилин Монро?! Она не могла погибнуть, исчезнуть, пропасть, она где-то есть?

**Красивая
женщина —
послание Небес,
говорящее о том,
что человечество
еще не совсем
погибло.**

После встречи с вами вернулась домой, растерянно сжимая в руке помятый листочек в клеточку, вырванный из записной книжки, почему-то казалось, что именно в нем мое спасение. Даже ладони вспотели от предвкушения близости освобождения...

Вы правы, это должно помочь. Я справлюсь, смогу возродить Норму Джин, я не сдамся.

Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают. Не меня — ЕЕ, просто люди не видят, что нас двое.

Вот почему я все-таки нарисовала картинку и попыталась все объяснить. Вам или себе — не знаю, это даже не важно.

В фильме «Река, не текущая вспять» Мэтт говорит: «Если человек не знает, что ему делать, куда идти, нужно вернуться назад и начать сначала».

ДЕТСТВО

Говорят, в детстве я была очаровательным ребенком — не болела, не капризничала, вовремя спала и хорошо ела. А еще радовалась жизни, не подозревая, что меня едва не придушили подушкой. Честно, честно! Есть маленькая фотография, где я в младенчестве. Там я вот такая — с толстыми щечками и чубчиком.

Правда, видели все это чужие люди, а не моя мама. Глэдис отдала меня в семью Болендеров в двухнедельном возрасте, испугавшись, что не справится с ребенком сама. Потом забрала обратно, потом снова отдала. Я всего этого не помню, но Болендерам за заботу благодарна. У них многолюдно, шумно и по-детски беззаботно, может, я была слишком мала, чтобы замечать проблемы, но ничего плохого за те годы не помню. Там точно жила Норма Джин Бейкер.

У меня есть фотография, на которой мы с мамой где-то на пляже и я совсем маленькая. Мама у меня красивая, даже сейчас, после стольких лет психиатрических лечебниц, стольких лет болезни, она сохранила остат-

ки былой красоты. Возможно, это кажется, ведь в клинике меня встречает вечно недовольная, раздраженная женщина, не всегда узнающая дочь, но всегда готовая отругать. Глэдис Бейкер хотела вырастить дочь великой киноактрисой, копией Джин Харлоу, но очень боялась ответственности и переложила ее на других. Оправданием служило то, что Глэдис время от времени ложилась в психушку. Удивительно, она запрещала называть себя мамой («Зови меня Глэдис!»), но отказывалась дать согласие на удочерение другими, поэтому мне пришлось часть детства прожить в приюте и во временных приемных семьях. А мне так хотелось иметь постоянный дом.

Как я представляю свое детство? Вот так, видите — они все вместе, а я одна, всегда одна и отдельно...

Конечно, ко мне относились неплохо, особенно Болендеры, но никто не позволял называть себя мамой! Очень обидно быть ничьей. Я думала, это потому, что я плохая, старалась быть приветливой и чаще улы-

баться. Мне и сейчас кажется, что нужно улыбаться, чтобы нравиться людям...

Скажу по секрету (почему незнакомым людям секреты раскрывать легче?): во мне всегда жило вот это желание быть приятной, никому не надоест, не досаждать, получить одобрение. Наверное, из-за необходимости подстраиваться под жизнь разных семей, чтобы меня не отдали, не прогнали, не выбросили вон, как щенка... Фрейд прав, все идет из детства. Я и сейчас заискиваю, как безродный щенок, и цепляюсь за каждого, кто может меня приласкать или пнуть ногой, и от всех завишу.

Не помню, заикалась ли с самого начала или это результат испуга.

Мама едва не сунула меня в таз с кипятком, видно желая искупать и просто не сознавая, что не добавила туда холодной воды. Я кричала так, что переполошила соседей, от стресса маме стало совсем плохо, теперь кричала уже она. Меня заперли в дальней комнате, чтобы ничего не видела, но не слышать сумасшедшие вопли и дикий хохот невозможно.

В памяти осталось, что это я позвала на помощь и маму забрали в больницу. Умом понимаю, что она едва не сварила меня заживо, и призыв о помощи спас если не жизнь, то здоровье, но в душе вина: из-за меня маму уpekли в психушку. Помешательство в нашей семье наследственное, говорят, в младенчестве меня едва не задушила подушкой бабушка, чудом спасли соседи.

Вот такая Норма Джин с задорным чубчиком

Но бывали и в моем детстве счастливые годы, когда я жила у Болендеров или у мамы случалась ремиссия. Она заботилась обо мне, даже купила в рассрочку дом и привезла туда белый рояль в надежде, что ее Норма Джин научится играть и петь, но пока играла сама, я была слишком мала. Вернее, Глэдис не играла, а просто дупила по клавишам, звуковая какофония помогла ей снова свихнуться и попытаться засунуть меня в кипяток.

Рояль был замечателен тем, что раньше принадлежал Фредериду Марчу. Но его давным-давно не настраивали, у мамы на

настройщика денег не было, зато была мечта купить еще два кресла и слушать мою игру, сидя в одном из них.

Став состоятельной, я разыскала и выкупила этот рояль. Где-то есть снимок — мы с роялем, хороши оба, но у белого рояля стоит Мэрилин Монро. А дом забрали за невыплату кредита.

Фотографии тоже помогают вспомнить...

Я достала большую коробку, в ней тысячи снимков, и на многих я такая смешная...

Почему-то, представляя рояль, я вспоминаю не звуки (пусть даже какофонию), а грузчиков, которые его доставили. Особенно одного, он был такой огромный, чуть меньше самого рояля, во всяком случае, тогда мне казалось так. Я думала, что если бы захотел, то он смог бы взвалить эту белую махину себе на спину и понести.

Но он оказался водителем грузовика, развозящего мебель, и ничего не носил! Рояль тащили два довольно хилых мужичка, нанятых мамой на улице. Смешно?

А я все равно вижу рояль у него на спине — большой рояль на спине большого мужичины.

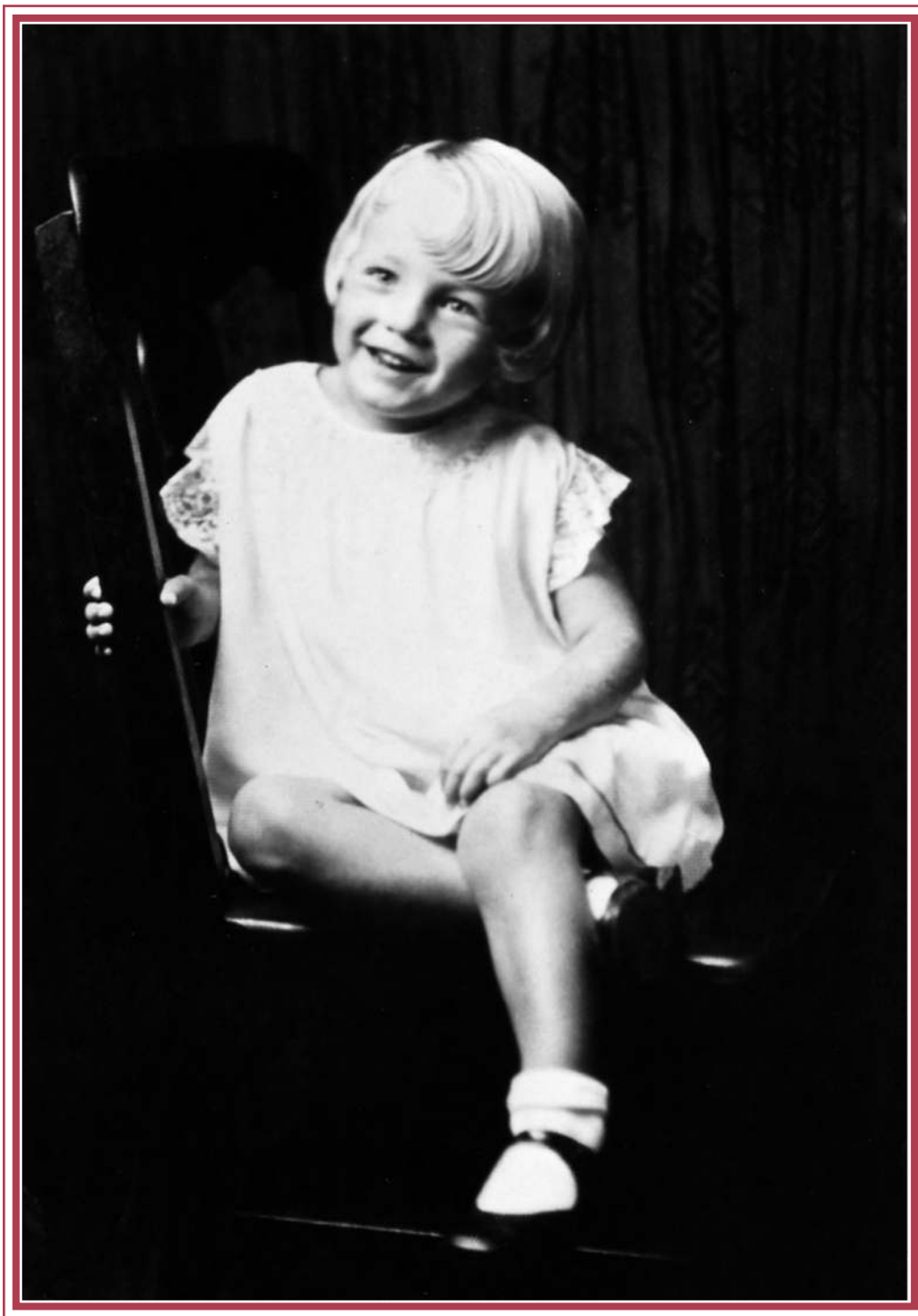
Меня взяла к себе тетя Грейс. Наверное, мы жили бедно, я была слишком мала, чтобы это понимать, но часовые очереди за вечерним дешевым черным хлебом по двадцать пять центов помню. Тогда я думала, что все живут так же... Грейс — мамина подруга, они вместе проявляли пленки на киностудии, и обе обожали Кларка Гейбла и знаменитую блондинку Джин Харлоу. Грейс тоже мечтала, что я стану кинодивой, она водила меня в кино и все время твердила, что я красавица.

Я так в это поверила, что, когда Грейс уже не смогла меня содержать и отдала в приют, оказаться среди не столь приветливых людей и понять, что ты ничем не лучше других, было особенно тяжело. Увидев слово «приют», я отчаянно цеплялась за Грейс и кричала, что не сирота, у меня есть мама!

Не знаю, как выглядела в то время, фотографий приютских лет нет. Тех, кто имел две блузки, две юбки, заштопанное и уже ношенное кем-то нижнее белье и такие же заношенные башмаки, не завивали, не водили в кино и не фотографировали. У воспитанницы номер 3463 не было фотографий счастливого детства. Чтобы выжить, там надо стать как можно незаметнее и ни на что не жаловаться. Я научилась.

С тех пор я терпеть не могу нижнее белье, даже новое, оно кажется мне уже ношенным.

Потом Грейс нашла работу и забрала меня к себе, снова мы сидели в темном зале, наблюдая, как на экране белокурой красавицы влюбляются в ковбоев или принцев и выходят за них замуж. Наглядевшись экранных

*Уже в таком возрасте я всем мешала. Не подозревая об этом,
я просто радовалась жизни*

страстей, Грейс тоже влюбилась, ее мужу Эрвину Годдарду вовсе не нужна Норма Джин, у него были свои дети. Годдард пил, вместе с ним прикладывалась к бутылке и Грейс. Я вернулась в приют.

На одном из снимков они вместе — голова к голове, такие чистенькие, ухоженные и красивые, у Грейс укладка и шляпка, Док в костюме и при галстуке. И трезвый, что бывало все реже. Док — это его прозвище, хотя он вовсе не доктор и никакого отношения к докторам не имел. Грейс навещала меня по субботам, привычно вошла в кино и обещала забрать, как только наладятся дела. По ее голосу я понимала, что дела не наладятся никогда.

Меня хотели удочерить, и не раз, хотя детей в таком возрасте берут в приемные семьи редко. Говорят, я была хорошенькой, не знаю, в нашем приюте зеркал не водилось и фотографий не делали. Но мама не позволила, в момент просветления она из больницы не вышла, зато оформила отказ в удочерении ее девочки. Даже когда я сама написала Глэдис письмо с просьбой согласиться и обещанием не забывать ее и помогать, когда вырасту, в ответ получила сплошные материнские проклятья неблагодарной дочери. Неблагодарной дочери пришлось остаться в приюте вместо того, чтобы жить в нормальной фермерской семье на довольно большом ранчо.

В школе на нас показывали пальцем, издевались над одинаковыми блузками и юбками, много над чем, а у меня и над заиканием. Я привыкла помалкивать, а мне так хотелось быть разговорчивой и общаться наравне с остальными! Заика из детского

дома, к тому же вдруг вымахавшая, как телеграфный столб! Сейчас у меня рост всего на полдюйма больше, чем был в одиннадцать-двенадцать лет. Одежда мала, всюду углы и никакой милovidности. Какая уж тут Джин Харлоу!

Грейс стало совестно, и она снова забрала меня из приюта, но снова ненадолго, правда, теперь возвращать не стала, а принялась передавать из семьи в семью своих родственников. Тем, кто брал приемыша, пусть и ненадолго, платили — пять долларов в неделю.

**Запомните правило:
вам не нужен тот,
кому не нужны
вы! Даже если
в действительности
нужен до смерти...**

На пять долларов, наверное, содержать ребенка невозможно, поэтому я была обузой. Как щенок или котенок, которого подобрали на улице, забыв, что на уик-энд придется уезжать и по делам время от времени тоже. А еще тетушка не выносит запаха животных, поэтому, когда она гостит, щенка лучше подsunуть соседям и на праздники куда-то деть, чтобы гостям не мешал...

Тогда я мечтала, как, став звездой, богатой звездой, обойду все семьи, в которых жила за это время, и всем доплачу до двадцати долларов в неделю за Норму Джин, чтобы они не чувствовали себя обиженными.

Всем заплачу, даже Эллиотам, у которых спала в уголке у самой двери, кушать садилась последней, потому что не было места, а ванну принимала, когда в ней помылись уже все. Пусть знают, что я не жадная.

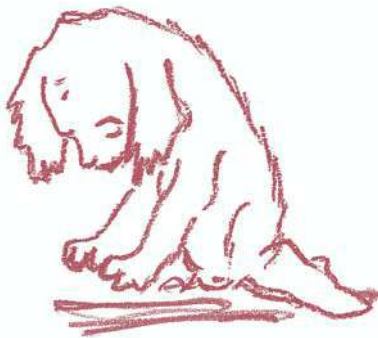
Почему я не могла жить у Грейс за те же пять долларов, почему она отправляла меня ко всем своим родственникам подряд? Может, если бы платили больше, то подкидыша не возвращали обратно в приют? Меня неотступно преследовала мысль: как стать

дороже? Я даже подрабатывала в приюте мытьем посуды, хотя это тошнотворное занятие, и все же скопила только 20 долларов...

Но для тех, у кого я жила, даже двадцать центов были деньгами, а уж двадцать долларов почти богатство. Это не нищета, но очень-очень скромная бедность.

Не подозревала, что у меня есть собственная сестра Бернис, которая старше на целых семь лет, что они с братом живут у первого мужа нашей матери и меня даже готовы были бы приютить у себя, если бы знали о беде. Почему Грейс ничего не сказала о первой семье Глэдис Бейкер?! Почему она так легко швыряла меня из дома в дом, не думая, каково быть всегда и во всем последней, отвечать на насмешки девочек в школе: «Из какой семьи ты сегодня пришла на занятия, Норма Джин?» Я не могла огрызаться, наоборот, всем улыбалась и молчала, даже если меня называли «человеческим бобом». Пусть лучше смеются, чем не замечают совсем. Никто не знает, как это тяжело — быть никому не нужной и незаметной, когда ты есть, но тебя нет. Как хотелось иногда крикнуть: «Я Норма Джин! Я есть, и я здесь!»

И все-таки родственники «кончились», однажды меня некому стало забирать, Грейс стоически решила, что возьмет беднягу в свою семью. Удивительно, но Годдард не был против, мы даже подружились с его дочерью Элинор, которую все звали Бебе, я считала ее своей сестрой. Снова был дом, была семья, пусть и приемная, даже была сестра и свой постоянный уголок. Почти счастье...

Фотографии той Нормы Джин у меня были, нас снимали всей семьей, но все снимки у Грейс, ведь это их семья, а я просто подкидыш.

Вы не были подкидышем? Тогда вам здорово повезло, потому что сознание, что ты ничья и никого не можешь назвать мамой или папой, сильно отравляет жизнь в детстве, даже если в остальном все хорошо. Понимаете, это внутреннее ощущение затаившегося зверька. Я наблюдала за играми детенышей хищников: как бы они ни играли, они всегда настороже. Вот

так и ничьи дети: можно улыбаться, стараться быть веселой и всем нравиться, но внутри живет ожидание, что кто-то ткнет в тебя пальцем и скажет:

— Эй, Норма Джин, ты ничья! У тебя нет мамы и папы.

У меня была мама, но она запретила называть себя так, боялась ответственности. И я ничего не знала об отце.

Фрейд прав: у человека все идет из детства. Мое одиночество, как бы старательно я ни прятала его за широкой улыбкой и приветливостью, все равно со мной. Три замужества, множество любовников, и никого рядом. Только вот это отражение — Мэрилин Монро. Или это уже я ее отражение?

У нас в классе была Лизбетт, считавшаяся авторитетом, потому что она умела правильно целоваться и у нее был взрослый парень, о свиданиях с которым Лизбетт рассказывала небылицы. Позже я поняла, что действительно небылицы, поскольку закатывать глаза от одних только французских поцелуев смешно.